

мя глагола «любить», сохранявшееся в его собрании сочинений 1915 года, прошедшим: «Как я любил тебя!» Этим поэт подчеркнул, что нежное «акварельное» его чувство ушло навсегда, уступив место чувству напряженному, знойному, оставив о себе яркое воспоминание.

Еще примеры. Текст «Отрывка» Бунин освободил от строк, насыщенных жалобами на любовь, оказавшуюся обманчивой, трафаретными рассуждениями о «великой, вечной жизни», частицей которой человеку надлежит себя сознавать, чтобы избавиться от эгоистического желания личного счастья. Поэт подхватывает и дает простор мотиву, четко обозначенному им в одной из отвергнутых строф: «Мне радостно глядеть теперь на небо...»

Со всей определенностью Бунин исправил первую строку в стихотворении того же года: «Не устанем воспевать вас, звезды!», заменив множественное число «не устанем» на единственное: «Не устану воспевать вас, звезды!»

Исправления, которые вносились поэтом с течением времени в стихи одного только 1901 года, показывают, насколько настойчиво он, обновляя тексты, стремился донести до читателей особенности своего художнического восприятия мира. Форма произведений Бунина неотделима от их содержания. Изменяя детали формы, художник тем самым изменяет содержание. Так, в «Последнем шмеле» Бунин выдерживает трогательность личного чувства обреченности шмеля, отказавшись от описательно-невывразительной, нарочито «лиризованной» детали «За окном еще зной». Мастер заменил эту деталь на законченно живописную — в прелестной картине осеннего увядания:

За окном свет и зной, подоконники яркие,
Безмятежны и жарки последние дни,
Полетай, погуди — и в засохшей татарке,
На подушечке красной, усни.

В ранней редакции «Мушкет» была строка «...Не тужи, Мушкет,— тебя отпели». В нее Бунин внес единственную подробность, которая характеризует отношение запорожцев как к богу, так и к служителям культа: «...Господь ответил: «Не журишь, Не тужи, Мушкет,— попы тебя отпели».

Работая над текстами своих произведений, Бунин искал краски, слова, которые способны донести до читателя своеобразие его, бунинского, восприятия жизни.

¹ Литературное наследство.— М., 1973.— Т. 84.— Кн. 1.— С. 318.

² Белинский В. Г. Собр. соч.— М., 1946.— Т. 3.— С. 415.

³ Бунин И. А. Собр. соч.— М., 1956.— Т. 3.— С. 376.

⁴ Литературное наследство.— Т. 84.— Кн. 1.— С. 1.

⁵ Там же.— С. 677.

⁶ Там же.— Кн. 2.— С. 493.

⁷ Бунин И. А. Сочинения.— М., 1982.— Т. 3.— С. 532. Комментарии А. Бабореко.

И. С. СКОРОПАНОВА

ЛИРИЧЕСКОЕ «Я» Б. АХМАДУЛИНОЙ

Б. Ахмадулина принадлежит к поэтам, основным «сюжетом» творчества которых является собственная судьба. Каждое отдельное ее произведение, обладая законченностью и самостоятельностью, представляет собой вместе с тем как бы фрагмент единого целого, скрепленного образом лирического «я». Этот образ во многом автобиографичен и в то же время несет в себе черты поэтической условности, позволяющей зримо раскрыть доминанту внутренней жизни незаурядной человеческой личности.

В стихотворениях и поэмах Ахмадулиной содержится немало указаний, характеризующих родословную, дату и место рождения, родной го-

род и улицу, среду, род занятий, различные подробности бытовой жизни лирической героини. Это придает повествованию убедительность, достоверность. Однако нередко автобиографический материал уходит в подтекст — лирическое «я» получает опосредованное преломление через аллегорию, перифраз, урбанистический пейзаж, картины природы, ассоциации литературно-эстетического характера. Утрачивая приметы реалистической конкретности, оно тем не менее сохраняет свое духовное ядро, генотип, определяемый всем комплексом индивидуально-неповторимых психофизических качеств личности. И в то же время лирическое «я» Ахмадулиной не статично. Эволюцию, претерпеваемую лирической героиней поэтессы 50—80-х годов, можно определить понятием «самосовершенствование». В творчестве Ахмадулиной нашел отражение процесс духовного преображения и роста личности, осуществляемый в соответствии с присущими ей представлениями об идеале.

Молодой Ахмадулиной было присуще романтическое мироощущение, стремление к поэтизации исключительного. Ее внимание привлекали яркие, одаренные люди, накаляющие атмосферу вокруг себя исходящей от них творческой энергией. Используя фантастическую условность, поэтесса создавала ситуации, позволявшие контрастно оттенить духовное богатство человека необыкновенного и внутреннее ничтожество обывательской посредственности («Сказка о Дожде», «Приключение в антикварном магазине»). Вместе с образом Пушкина в ее поэзию входит культ гениальности — преклонения перед максимальной полнотой интеллектуального и нравственного развития, высшей степенью творческой одаренности личности.

Свою причастность «высшей норме» обнаруживает и лирическая героиня Ахмадулиной. Она наделена ореолом избранничества. Внешний облик, поведение, склад ума, дар поэтического воображения — все выдает в ней существо, наделенное особым жребием. Алмазная звезда во лбу странно-прекрасного чудовища, какой видят героиню окружающие, символизирует ее отмеченность божьим даром слова, черно книжные значки — еретизм мыслей, их неподвластность догмам и канонам, многозначно-сумасшедшая цифра пульса — предельную интенсивность чувств и переживаний, крыло дождя за спиной — жажду необыденности, красоты, чистоты. Как бы произвольно лирическая героиня поэтессы вносит нарушение в устоявшийся порядок повседневной жизни, придавая ей праздничность, наполненность, остроту, либо учиняя разгром ее окаменелым стереотипам: *При мне всегда стоял сквозняк дверей! При мне всегда свеча, вдруг вспыхнув, гасла!*¹ — так характеризует себя лирическая героиня в поэме «Озноб». Ее портрет дан в условно-романтическом ключе, фиксируя внимание на интенсивности духовно-эмоциональной жизни, многократно превосходящей обыденную.

Героиню ранних произведений Ахмадулиной переполняет уверенность в своих силах, стремление жить ярко, раскованно, безоглядно, насыщено. Пишется ей, как дышится, критические нападки воспринимаются с точки зрения свечи, которой внушаются «правила свеченья». Ощущение своей исключительности порою граничит даже с элитарностью, своеобразным нарциссизмом, перекрываемыми, однако, искренней жаждой жизни настоящей, полноценной, одухотворенной. Стихи и поэмы этого времени отличает повышенный эмоциональный напор, иногда — «захлебывание» словами.

Однако, ориентируясь на высочайшие образцы искусства, не приемля суррогатов, героиня Ахмадулиной с ходом времени начинает замечать, что писать становится все труднее, а то, что создано, ее не удовлетворяет. В этом сказалась исчерпанность раннеромантических представлений о действительности, необходимость накопления нового душевного опыта. Между тем переход из возраста в возраст осуществлялся медленно, болезненно. Он сопровождался безжалостными ударами судьбы, крахом иллюзий молодости, переоценкой самое себя.

В произведениях Ахмадулиной 60-х годов вторгаются мотивы «немо-

ты» и «сиротства», их содержанием становятся муки творчества и муки одиночества («Другое», «По улице моей» и др.). Героиня поэтессы начинает напоминать человека, понесшего тяжелую утрату. Вглядываясь в глубь себя, «как в пациента лекарь», едва сдерживая рыдания, она исповедуется в постигшем ее несчастье и ни о чем другом не может говорить. Ей представляется, что жизнь остановилась, утратила всякий смысл, а «алмазная мета» во лбу «зажила и быльем поросла». На смену самоупоению приходят самоумаление, самобичевание. Героиня Ахмадулиной готова уподобить себя сверчку, слабый скрип которого слышен в доме по ночам, или «худшему ученику» господа бога, оскверняющему своим пером бумагу. Изнемогая «в том же месте судьбы, что вчера», она не может найти успокоения ни в чем.

Условием приближения к творческому совершенству становится полная отрешенность лирической героини Ахмадулиной от всех благ бытия, готовность бессонным трудом, одержимым подвижничеством оплатить движение к идеалу («Зимняя замкнутость», «Плохая весна»). Бездомность, аскетизм, устав монастыря — вот те вериги, которые добровольно возлагает она на себя, чтобы ничто не отвлекало от главного в жизни — поэзии. В произведениях поэтессы возникает некая условная реальность, в которой есть место только для стихов и куда едва проникают отзвуки из внешнего мира. Архаизируются лексика и синтаксис Ахмадулиной, должны подчеркнуть возвышенную настроенность ее лирического «я», неподвластность суетности, мелочности, пошлости. «Высокопарность» и «витиеватость» поэтической речи оказываются созвучными внутреннему состоянию героини. Отвергая соблазны любой из мирских утех, она противопоставляет им свои собственные богатства, утверждает: *И широк дивный выбор всевышних щедрот: Ямб, хорей, амфибрахий, анапест и дактиль.*

Постепенно в произведениях поэтессы складывается новый, более строгий облик лирической героини. Мы видим ее сидящей ночи напролет с пером в руке над листом бумаги («Ночь», «Воспоминание о Ялте» и др.). Женственная хрупкость, незащищенность от жизненных трудностей не становятся препятствием для каторжной по затрачиваемым усилиям работы. Беспощадная к себе, терзаемая несовершенством созданного, несмотря ни на что, героиня поэтессы продолжает свой труд. Характеризуя атмосферу, в которой происходили творческие бдения, Ахмадулина пишет: *Пекло совести грозно дымилось И вперялось в ночной потолок.*

Повышенное чувство ответственности за выходящее из-под пера, присущее лирической героине, диктуется властью над ней «чужой работы», воспринимаемой как образец. И в пустыне одиночества она ощущает на своей щеке взгляд Пушкина, мысленно беседует с Лермонтовым, не может забыть усмешку Ахматовой, слышит биение сердца Цветаевой... Нравственный максимализм — вот выстраданный в бессонных ночах и днях принцип жизни и творчества, без которого героиня Ахмадулиной не мыслит своего существования.

Другой важный результат ниспосланных ей испытаний — осознание ошибочности ухода в «надреальность», жажда человеческого участия, тепла и готовность в свою очередь стать нравственной опорой для каждого, кто в этом нуждается, кого нужно поддержать, уберечь, согреть своим дыханием. Без сомнений и вполне сознательно лирическая героиня Ахмадулиной занимает последнее место в очереди к житейским благам, являясь живым укором для тех, кто так *устремлен в одни свои заботы, / простите мне, как зверь в часы охоты, / что он толкает братьев и сестер (Н. Рубцов)*².

Более всего боится героиня поэтессы хотя бы нечаянно причинить боль другому. В стихотворении «Дом» отражено свойственное ей стремление *Всегда быть не хитрей, чем дети, Не злей, чем дерево в саду, Благословляя жизнь на свете Заботливей, чем жизнь свою.*

От ребяческого упоения талантом и избранностью лирическая героиня

ня приходит к поэтизации самоотречения ради главного дела жизни и блага других людей («Это я...», «Завидна мне извечная привычка»). Ахмадулина прославляет человеческие отношения, в основе которых лежат гуманизм, дружба, любовь («Я знаю, все будет: архивы, таблицы», «Декабрь»), показывает, как ранят личность пошлость, измена, душевное сиротство («Как долго я не высыпалась», «Два гепарда» и др.). Ее стихотворения и поэмы несут в себе огромный заряд добра, бескорыстия, благородства.

Как величайшую благодать бытия расценивает лирическая героиня поэзии Ахмадулиной 70—80-х годов сам дар жизни. Поэтесса умеет зримо и осязаемо показать красоту земли и неба, человека и животного. Наиболее часто в этом случае она использует эпитет «прекрасный», выражающий всю полноту преклонения перед физическим и нравственным совершенством, к которому уже нечего добавить. Устремленность к прекрасному лирическая героиня Ахмадулиной проносит в своей душе сквозь все невзгоды и тернии судьбы. Одно из самых ликующих произведений поэтессы, в котором выражено чувство благодарности жизни за все, чем она желанна для человека, — стихотворение «Как никогда беспечна и добра». Воссозданная в нем картина зимнего утра в арбатском дворе, где «светло и тесно» от детей и собак, царит веселое, радостное оживление, становится под пером Ахмадулиной метафорой гармонии человека и окружающего мира, столь необходимой каждому. Вовлеченная во всеобщее празднование бытия, героиня стихотворения испытывает подлинное счастье.

Драматические ноты не исчезают из поэзии Ахмадулиной совершенно. И в самые безоблачные, казалось бы, мгновения в душе ее лирической героини может ожить боль пережитого, вспыхнуть тревога за будущее. Но перед лицом жизненных трудностей она уже не одна. Мы видим героиню Ахмадулиной в окружении детей и зверья, составляющих ее домашнюю свиту, рядом с дорогими сердцу, необходимыми друг другу людьми, в духовном единении с читателями на вечерах поэзии. Это зрелый человек, воспитавший в себе этическую бескомпромиссность, гуманность, готовый к любым испытаниям. Женственность, изящество, благородство, «нестандартность» придают лирической героине особое очарование.

Неотъемлемое условие морального прогресса общества — самосовершенствование каждого из его членов. Поэзия Ахмадулиной, проникнутая жадой приближения к идеалу, оказывает благотворное нравственно-эстетическое воздействие на читателей. Она вызывает желание стать лучше, побуждает к интенсивной внутренней работе над собой. Творчество поэтессы имеет немало приверженцев, и это подтверждает значимость ее вклада в современную литературу.

¹ Произведения Б. Ахмадулиной цитируются по сб.: Сны о Грузии.— Тбилиси, 1979; Тайна.— М., 1983.

² Рубцов Н. М. Стихотворения.— М., 1983.

Л. В. ОПАЛЕВА

М. ЦВЕТАЕВА О СУЩНОСТИ И НАЗНАЧЕНИИ ИСКУССТВА

Проблема творчества, творческой личности — одна из центральных в сложной и самобытной системе воззрений М. Цветаевой. Сущность и явление, творчество и бытие, поэт и стихия, искусство и время, современность и злободневность — все эти вопросы никогда не оставляли Цветаеву, звали, требовали отклика. Для эстетических взглядов Марины Цветаевой чрезвычайно важной оказалась романтическая традиция, позволяющая осмыслить мир в его живом единстве и безграничности, «расширяющая человеческого субъекта до космических размеров»¹. Наибо-